

A woman in a vibrant red traditional Chinese dress stands with her back to the camera in a narrow, dark courtyard. She has a long, dark braid with a red ornament. The courtyard is flanked by dark wooden buildings. Two large, glowing red lanterns hang from the eaves, each with Chinese characters. A vertical scroll with calligraphy is visible on the left wall. The scene is dimly lit, with light coming from the lanterns and a doorway in the background.

Костя Пластилинов

Тень куклы в алую ночь

18+

Костя Пластилинов
Тень куклы в алую ночь

«Автор»

2026

Пластилинов К.

Тень куклы в алую ночь / К. Пластилинов — «Автор», 2026

В современном Токио курьер Рэн получает зловещий заказ — доставить запечатанную коробку с алой куклой в старый особняк. Нарушив запрет не смотреть в её глаза, он запускает древнее проклятие: на его теле появляются несмываемые алые пятна, а по ночам тень куклы отделяется от стен и ползёт к нему. Чтобы спастись, Рэн должен разгадать тайну духа девочки О-Ханы, запертого в кукле ещё в XIX веке. Он погружается в мир синтоистских обрядов, заброшенных храмов и призрачных отражений.

© Пластилинов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Особый заказ	5
Глава 2. Красные нити	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Костя Пластилинов

Тень куклы в алую ночь

Глава 1. Особый заказ

(20 октября, вечер)

Рабочий день подходил к концу. Рэн методично сверял номера отправлений, отмечал выполненные заказы и думал о том, что завтра наконец-то сможет выспаться. «Токио Экспресс» не славился щадящим графиком, но Рэн привык: рутина успокаивала, а чёткие инструкции давали ощущение контроля над хаосом мегаполиса.

Правда, в последние дни что-то шло не так.

Сначала – мелкие несостыковки: посылки прибывали не в те филиалы, адреса на накладных менялись сами собой (он даже перепроверял – нет, это не опечатки). Потом – странные звонки. Не от клиентов, а просто... звонки. Без голоса, без гудков, только тихое шипение, будто кто-то дышал в трубку.

Диспетчер отмахивался: «Сети барахлят, осень же». Но Рэн знал: дело не в сетях. Сегодня всё было как обычно – до момента, когда он закрыл ноутбук. До момента, когда телефон издал этот звук...

Не звонок. Не сигнал. А будто стон.

Рэн медленно положил трубку. Странный стон ещё звенел в ушах, оседая где-то между висками колючей тишиной. Он уставился на телефон – аппарат безмолвствовал, будто и не издавал только что звука, похожего на предсмертный вздох.

«Потом разберусь», – повторил он про себя, заставляя пальцы разжаться. Экран ноутбука погас, оставив на пластике тусклый отблеск уличных огней. Рэн поднялся из-за стола, выключил лампу и направился к выходу. Шаги отдавались глухим эхом в опустевшем офисе – коллеги давно разошлись, и только редкие лампы над пустыми столами напоминали о дневной суете.

В холле он невольно замедлил шаг. Перед ним – большое зеркало в простой металлической раме, отражающее половину этажа. Рэн остановился, не дойдя пары метров. В груди всё ещё пульсировало то самое чувство – не страх, а его предвестник, холодный и липкий, как утренний туман над рекой.

Он сделал глубокий вдох, затем ещё один. «Просто сети, – прошептал он, глядя на своё отражение.

– Просто сети. Осень. Перегрузки. Ничего больше».

Но что-то было не так. В отражении мелькнуло движение – будто тень скользнула за его спиной. Рэн резко обернулся. Пусто. Только мигающая лампа над дальней стойкой отбрасывала рваные тени на пол.

Рэн задержался у зеркала, прежде чем выйти за новым заказом. Просто привычка – бросить взгляд, убедиться, что всё в порядке.

Зеркало отразило мужчину средних лет: не красавец, не урод – просто человек, которого легко не заметить в толпе. Тёмные волосы аккуратно уложены, чёлка слегка касается брови. Ни единой выбившейся пряди – утром потратил лишние пять минут, чтобы уложить их как надо.

Он придирчиво осмотрел рубашку. Белый хлопок, идеально выглаженный, но уже чуть помялся у воротника – день выдался длинным. Поправил манжету, проверяя часы: простой чёрный циферблат, стальной корпус. Время – 17:47. Пора уходить, клиент уже наверняка заждался.

Взгляд скользнул по отражению ещё раз. Тёмно-карие глаза смотрели устало, но цепко. В уголках – тонкие лучики морщин, следы бессонных ночей и привычки всматриваться в детали. Нос прямой, губы плотно сжаты – так всегда, когда он погружён в мысли.

«Обычный», – подумал Рэн. – «Совершенно обычный».

Именно это ему и нравилось. В Токио, где каждый второй стремится выделиться, быть незаметным – почти искусство. Его одежда – тёмные брюки, светлая рубашка – сливалась с тысячами таких же силуэтов в вечернем потоке людей. Ни ярких цветов, ни бросающихся аксессуаров. Только часы. Только аккуратная стрижка. Только сдержанные движения.

Он провёл рукой по лицу, стирая следы усталости. Где-то в глубине сознания шевельнулось: «А если бы я выглядел иначе?..» Но мысль тут же растворилась. Иной облик – иные проблемы. А ему хватало и тех, что были.

Рэн отвернулся от зеркала. За его спиной уже гасли офисные лампы, погружая пространство в мягкий полумрак. Он шагнул к выходу, растворяясь в синеве октябрьского вечера – ещё один человек в бесконечном потоке токийской ночи.

Офис «Токио Экспресс» в Маруноути жил своей тихой, размеренной жизнью – словно механизм, отлаженный до мельчайших шестерёнок, но уже тронутый налётом времени.

Здание не бросалось в глаза среди стеклянных гигантов делового района: сдержанный фасад из тёмно-серого бетона с редкими прожилками металла напоминал шкуру древнего зверя, привыкшего к городской суете. Над входом – лаконичная вывеска: белые иероглифы на чёрном фоне, без мигающих огней, без кричащей рекламы. Токио Экспресс. Как печать: не яркая, но весомая.

Внутри пространство распадалось на зоны прозрачными перегородками. Днём здесь стоял гул: стук клавиш сливался с переключкой диспетчеров, а воздух дрожал от шёпота бумаг. Сейчас, в сгущающихся сумерках, офис тонул в полумраке. Лишь редкие лампы роняли жёлтый свет, и от этого полированные поверхности будто плавись, теряя чёткие очертания.

Длинные столы из тёмного дерева с металлическими ножками стояли ровными рядами. На каждом – ноутбук, телефон, стопка накладных. Всё строго, без личных вещей. Даже кружки для кофе – одинаковые, серые, будто выстроенные в строй. На стенах – панели под матовое стекло, а на них прежде мерцали цифровые табло с маршрутами. Теперь экраны погасли, оставив лишь призрачные блики, будто следы ушедшего дня.

Потолок скрывала решётка вентиляционных решёток и встроенных светильников. Где-то одна лампа мигала, не решаясь окончательно погаснуть. Пол – гладкий, тёмно-коричневый ламинат с едва заметным узором – впитывал последние отблески света, а в углах уже сгущалась тень, будто провалы в иное измерение.

В воздухе висел смешанный запах: бумага, пластик, слабый аромат кофе из автомата. Но под этой привычной гаммой таился привкус озона – как после грозы или будто где-то рядом работал неисправный сервер. Тишина тоже была особенной: не мёртвая, а наполненная шёпо-

том. Скрип половиц под ногами, отдалённый гул лифтов, шелест вентиляции. Иногда – резкий щелчок выключателя, хотя никто не трогал кнопку.

Температура держалась чуть ниже комфортной: кондиционеры работали на износ, но воздух казался густым, пропитанным усталостью ушедших сотрудников. Он словно хранил отголоски их мыслей, недосказанных фраз, невысказанных тревог.

В центре зала стояла стойка диспетчера: три монитора, гарнитура, стопка папок с пометкой «Срочно». За спиной диспетчера – карта Токио, но некоторые районы на ней были закрашены серым: «Закрытые зоны». У дальней стены прижался к стене металлический шкаф с архивами, его дверца носила едва заметную царапину, похожую на след от когтя.

А в холле, у выхода, висело большое зеркало в простой металлической раме. Оно отражало половину этажа, но иногда – только половину лица того, кто в него смотрел.

Офис «Токио Экспресс» в Маруноути тонул в сумраке – лишь редкие лампы над столами разгоняли синеву октябрьского вечера. Жёлтый свет ламп дрожал на полированных поверхностях, создавая иллюзию, будто предметы медленно плавятся. Рэн проверил последнюю накладную, закрыл ноутбук и уже потянулся за курткой, когда на внутренний телефон пришёл экстренный запрос.

Звонок прозвучал не как обычный сигнал – скорее как тихий металлический стон, будто аппарат сопротивлялся входящему вызову. Рэн вздрогнул, ощутив, как по позвоночнику пробежала ледяная капля.

– Заказ для тебя, – голос диспетчера звучал натянуто, будто сквозь стиснутые зубы. – Бункё-ку, Хонго 3-тё:мэ, 25-8. Срок – до полуночи.

Рэн замер. В груди шевельнулось недоброе предчувствие – липкое, как паутина, цепляющееся за рёбра. Адрес был странным: он никогда не слышал о таком доме в этом районе. В памяти всплыли обрывки старых карт Токио, но ни одна из них не содержала этого сочетания цифр и иероглифов.

«Это место... – вдруг подумал он. – Я видел его раньше. Но где?»

Воспоминание мелькнуло и исчезло, оставив лишь ощущение дежавю.

– Что за груз? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Но в горле уже пересохло, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Диспетчер не ответил. Тишина в трубке стала оглушительной.

Рэн медленно опустил трубку. Предчувствие теперь не просто цеплялось за рёбра – оно впивалось в них острыми когтями. Бункё-ку, Хонго 3-тё:мэ, 25-8. Адрес звучал как заклинание, которого он никогда прежде не слышал.

Он достал из ящика стола потрёпанную карту Токио – ту самую, с пометками от руки, которую хранил ещё со времён первых рейсов. Развернул, провёл пальцем по сетке улиц Бункё-ку. Нет, ни одного похожего дома.

Рэн ещё раз провёл пальцем по карте, будто надеялся, что цифры и иероглифы вдруг сложатся в знакомый узор. Но нет – адрес словно существовал вне этого мира.

Он достал телефон, чтобы проверить геолокацию, но экран мигнул и погас. Батарея была полной ещё пять минут назад. Рэн встряхнул аппарат, нажал кнопку питания – безрезультатно.

«Отлично. Просто отлично», – подумал он, засовывая телефон в карман.

В этот момент за спиной раздался тихий щелчок. Рэн обернулся: дверь в архивную комнату, которую он точно закрывал на ключ, была приоткрыта. Из темноты пробивался тусклый свет – такой же жёлтый и дрожащий, как в его офисе.

Он медленно подошёл к двери. Внутри всё было на своих местах, но что-то изменилось. Рэн пригляделся: на полке с папками появилась одна лишняя – серая, без опознавательных знаков. На её корешке блестели капли влаги, будто папку только что вытащили из воды.

Не успев осознать, что делает, он потянулся к ней. Пальцы коснулись гладкой поверхности – и тут же отпрянули: папка была ледяной, а под ней обнаружилась записка.

Крошечный листок бумаги с неровными краями. На нём – всего три слова, выведенные чёрными чернилами:

«Не выходи за порог».

Рэн резко обернулся – в дверном проёме никого не было. Но он чувствовал: за ним наблюдают.

Он сунул записку в карман, схватил ключи и куртку. Нужно было ехать. Чем дольше он медлил, тем сильнее становилось ощущение, что офис сжимается вокруг него, как живой организм.

На выходе он невольно взглянул в зеркало. На этот раз отражение не совпало с реальностью: Рэн видел себя стоящим у стола, а не у двери. Его зеркальный двойник медленно поднял руку и указал куда-то в сторону архива.

Рэн рванул на улицу. Холодный октябрьский воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения. Он подошёл к мотоциклу, но замер, не успев надеть шлем.

Фонари вдоль тротуара гасли один за другим – не постепенно, а волнами, будто кто-то невидимый шёл следом, стирая свет. В зеркальце заднего вида мелькнуло движение: не человек, не животное – просто сгусток темноты, державшийся на расстоянии.

«Это не погоня, – понял он. – Это сопровождение».

Рэн завёл двигатель. Мотоцикл рванул вперёд, разрывая сумрак. По пути он то и дело оглядывался. Тени вдоль дороги растягивались и сжимались в странном ритме, будто дышали.

Когда он наконец добрался до Бункё-ку, часы на приборной панели показывали 22:17. Но время здесь будто застыло: ни машин, ни прохожих, ни огней в окнах. Только одинокое здание впереди – складское, с обшарпанной вывеской без названия.

Дверь была приоткрыта. Из щели пробивался тот же жёлтый свет – дрожащий, словно пламя свечи на ветру.

Рэн заглушил мотор. Тишина накрыла его, как тяжёлое одеяло. Но в этой тишине он снова услышал гул – низкий, вибрирующий, будто где-то внутри здания билось чужое сердце.

Он сделал шаг к двери. Затем ещё один.

И переступил порог.

Складское помещение пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё – сладковатым, почти гнилостным, будто где-то за ящиками дозревали забытые фрукты. Рэн шагнул внутрь, и его тень, вытянувшись, исчезла в лабиринте полок.

На складском столе лежала она – небольшая, из тёмного дерева, обвязанная синей верёвкой симэнава, как в синтоистских святилищах. Верёвка была не просто синей: при ближайшем рассмотрении она отливала багровым, будто пропиталась кровью. Узлы располагались в странном порядке – три тугих витка, пауза, затем ещё пять, словно кто-то пытался зашифровать послание.

На крышке – выжженные иероглифы: «Не открывать. Не смотреть в глаза». Буквы казались живыми – они чуть подрагивали, если смотреть под определённым углом, будто пытались слиться в другое слово.

Рэн провёл пальцем по надписи. Дерево было холодным, будто хранило в себе зимний воздух. Он невольно вспомнил бабушкины рассказы о духах, запертых в древних шкатулках. «Если откроешь – они выйдут. Если посмотришь – они войдут», – шептала она, покачиваясь у очага.

– И ещё, – диспетчер помедлил, и в тишине Рэн услышал, как тот нервно сглотнул. – Клиент просил передать: «Если она проснётся – беги».

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Рэн сглотнул, чувствуя, как в груди нарастает гул – не звук, а скорее вибрация, проникающая в кости.

Рэн медлил. Пальцы, только что коснувшиеся холодной древесины, будто онемели – словно коробка высосала из них тепло. В голове крутились слова диспетчера: «Если она проснётся – беги». Но куда бежать? И как оставить то, что уже начало пульсировать под его кожей – едва уловимая вибрация, проникающая в кости, вторящая ударам сердца.

Он оглянулся. Склад тонул в полумраке, но теперь Рэн заметил: тени между стеллажами двигались. Не от сквозняка – они перетекали, обрисовывая контуры, слишком похожие на человеческие силуэты. Один из них замер у дальней стены, вытянув руку в безмолвном жесте – то ли предостерегая, то ли указывая путь.

Рэн сглотнул, схватил коробку. Верёвка симэнава обожгла пальцы ледяным прикосновением. Он бросился к выходу, но дверь, ещё минуту назад приоткрытая, теперь была плотно закрыта. На ней – те же иероглифы, что на крышке: «Не открывать. Не смотреть в глаза».

– Чёрт... – прошептал он, дёргая ручку.

В этот момент коробка дрогнула в его руках. Не пульсация – настоящий толчок, будто внутри кто-то ударил в стенку. Рэн отпрянул, и дверь внезапно распахнулась сама, словно её толкнули с той стороны.

На улице его встретил ледяной ветер. Дождь уже лил стеной, превращая асфальт в зеркало, где отражались неоновые огни – но в этих отражениях мелькало что-то лишнее. Силуэты. Они не бежали – они плыли над землёй, следуя за ним.

Рэн вырулил с эстакады на промокший асфальт Бункё-ку. Ветер хлестал в лицо, дождь забивался под воротник, но он почти не замечал – всё внимание на дорогу, на мелькающие огни, на пульсирующую в ушах тишину, которую не мог заглушить даже рёв мотора.

Коробка лежала в седельной сумке, и каждый раз, когда колесо попадало в выбоину, он чувствовал сквозь кожу седла её глухой толчок – будто кто-то стучал изнутри, отсчитывая ритм его пути. Рэн сжал руль крепче. «Только не сейчас. Только не здесь».

На повороте к Хонго 3-тё:мэ двигатель вдруг захлебнулся.

Сначала – лёгкий рывок. Потом – треск, будто внутри что-то лопнуло. Мотоцикл дёрнулся, будто споткнулся на бегу, и заглох. Рэн вырулил к обочине, с трудом удерживая равновесие. Тишина обрушилась резко, оставив в ушах лишь шум дождя и собственное тяжёлое дыхание.

Он слез с седла, откинул капюшон. Вода стекала по лицу, смешиваясь с потом. Открыл кожух – внутри всё было в масляной взвеси, провода искрились, а в сердце мотора зияла трещина, словно кто-то прорубил её топором.

– Чёрт... – он пнул колесо. Бесполезно.

Вокруг – ни души. Только неоновые вывески размывались в дождевой пелене, а между зданиями скользили тени, слишком длинные, чтобы быть просто игрой света. Рэн оглянулся. Ему показалось, или одна из них замерла за углом, наблюдая?

Он достал телефон. Экран моргнул – «Нет сети». Конечно.

«Такси», – подумал он. – «Надо вызвать такси. Но куда? Куда ехать с этой коробкой?»

Он шагнул к краю тротуара, высматривая жёлтый огонёк. В голове крутились слова диспетчера: «Если она проснётся – беги». Но как бежать, если даже мотоцикл – его верный, проверенный годами спутник – предал?

Через пять минут вдалеке наконец мелькнул свет фар. Машина медленно приближалась, её силуэт расплывался в дожде, будто плыл по воде. Рэн поднял руку.

Такси остановилось. Дверца открылась сама, без звука. Внутри – полумрак, только слабый отблеск приборной панели. Водитель не обернулся.

– Куда? – спросил он, и голос прозвучал странно: будто из-под воды.

Рэн помедлил. Коробка в сумке снова толкнула его в бедро.

– В Маруноути. Офис «Токио Экспресс».

Водитель кивнул. Дверца захлопнулась.

Машина тронулась, и Рэн, обернувшись, увидел, как его мотоцикл остаётся позади – тёмный силуэт на мокром асфальте, будто брошенный друг. А за ним, в глубине переулка, мерцали чьи-то глаза. Или просто капли дождя, отражающие свет?

Рэн опустил коробку на колени, пытаясь унять дрожь. Но даже сквозь шум дождя он слышал:

Тук.

Тук.

Тук.

Как будто кто-то стучался изнутри.

Такси скользило по мокрым улицам. Дождь начался внезапно, превратив огни Токио в дрожачие блики, словно город растворялся в воде. Капли стучали по крыше, отбивая ритм, который сливался с биением сердца Рэна.

Он держал коробку на коленях, стараясь не касаться верёвки. Её узлы казались живыми – будто пульсировали под кожей. Сначала он подумал, что это вибрация от дороги. Но потом понял: коробка двигалась. Едва заметно, словно внутри билось маленькое сердце. Или... что-то билось.

Рэн опустил взгляд – и замер. В отражении лакированной поверхности на мгновение вспыхнул алый зрачок. Он резко отстранился, ударившись локтем о дверцу. Коробка осталась неподвижной, но он знал: это не игра света.

– Что-то не так с навигатором, – пробормотал водитель, хмуро глядя на экран. – Показывает «Хонго 3-тё:мэ, 25-9». Но такого адреса нет.

Экран GPS мигал, перескакивая между цифрами. Рэн посмотрел в окно: деревья вдоль дороги склонялись, будто провожая их шелестящими ветвями. В их тени ему мерещились силуэты – то ли бродячие кошки, то ли... что-то ещё.

Один из силуэтов двинулся. Рэн прищурился – это была фигура в длинном плаще, стоящая под фонарём. Когда такси проехало мимо, фигура повернулась. Лицо скрывала тень, но Рэн почувствовал, как её взгляд скользнул по коробке, по его рукам, по глазам.

– Вы видели? – спросил он водителя.

– Кого? – тот даже не обернулся. – Тут никого нет.

Такси резко затормозило. Рэн едва не ударился о переднее сиденье – коробка на коленях дрогнула, и на мгновение ему показалось, что изнутри донёсся тихий скрежет, будто кто-то провёл когтем по дереву.

– Приехали, – пробормотал водитель, не оборачиваясь. Его голос звучал странно: монотонно, без интонаций. – Дальше пешком.

Рэн посмотрел в окно. Они стояли на пустынной улице – ни вывесок, ни фонарей, только мокрые асфальтовые блики, уходящие в туман. GPS на панели мигал, выдавая бессмысленный набор символов: «Хонго 3-тё:мэ, 25-9 → ERROR».

– Но здесь нет... – начал Рэн, но водитель уже открывал дверь.

– Выходите. Дальше пешком, – повторил он, и в этот раз в голосе прозвучала не просьба, а приказ.

Рэн сжал коробку и шагнул на мокрую мостовую. Дверь такси захлопнулась с глухим щелчком, и машина тут же растворилась в дожде, оставив после себя лишь колеблющийся след света.

Он остался один.

Тишина накрыла его, как тяжёлое одеяло. Даже шум дождя казался приглушённым, будто кто-то убавил звук. Рэн огляделся: улица тянулась вдаль, исчезая в сером мареве, а по обеим сторонам стояли дома с тёмными окнами – не то заброшенные, не то намеренно скрытые от глаз.

Коробка в руках вдруг стала тяжелее. Рэн опустил взгляд: верёвка, которой она была перевязана, медленно шевелилась, словно пыталась освободиться. Он хотел было ослабить узлы, но в этот момент изнутри донёлся вздох – тихий, почти человеческий.

Он резко отдернул руки.

В тот же миг в тумане вспыхнули два алых огонька – точно такие же, как тот зрачок, что он видел в отражении коробки. Огоньки приближались, формируясь в силуэт: фигура в длинном плаще, шагающая бесшумно, будто плывущая над землёй.

Рэн попятился.

Фигура остановилась в трёх шагах. Под капюшоном – пустота. Не лицо, не маска, а абсолютная тьма, поглощающая свет.

– Ты принёс это не туда, куда думал, – произнёс силуэт. Голос звучал одновременно отовсюду – из тумана, из-под земли, из самой коробки. – Но пути назад уже нет.

Рэн хотел ответить, но язык не слушался. Он лишь крепче сжал коробку, чувствуя, как сквозь пальцы просачивается холодный, пульсирующий ток.

Фигура медленно подняла руку – не человеческую, а длинную, суставчатую, словно составленную из теней.

– Иди, – прошептала она. – Город ждёт.

Туман сгустился, скрывая фигуру. Когда он рассеялся, на улице не было никого – только мокрый асфальт, дождь и дорога, уходящая в неизвестность.

Рэн сделал шаг вперёд. Коробка в его руках вздрогнула в последний раз – и затихла.

Рэн шёл по улице, засунув руки в карманы, и думал о том, что Токио никогда не выглядит так, как на туристических открытках.

Да, здесь были неоновые вывески – но не яркие, как в старых фильмах, а приглушённые, словно выцветшие. Они мерцали сквозь пелену октябрьского тумана, превращаясь в размытые пятна света. Где-то вдали пульсировал логотип «Sony», но даже он казался усталым, будто давно забыл, зачем светится.

Здания – не небоскрёбы, а скорее вертикальные лабиринты. Стекло и бетон, но не блестящие, а покрытые тонким слоем городской пыли. На фасадах – цифровые баннеры, но не с рекламой, а с бесконечными потоками данных: курсы валют, прогнозы погоды, уведомления о задержках поездов. Иногда среди них мелькало что-то странное – иероглифы, которые нельзя прочесть, или изображения, похожие на сны.

Он свернул на боковую улицу. Здесь было тише, но не спокойнее. Вдоль тротуара тянулись автоматизированные лавки – без продавцов, без вывесок, только светящиеся панели с ценами. Одна из них вдруг включилась, когда он проходил мимо, и на экране вспыхнуло: «Вам

не стоит идти туда». Рэн остановился, обернулся – экран уже показывал обычный список товаров.

Люди вокруг двигались слишком ровно. Не спеша, не толкаясь, словно выполняли запрограммированный маршрут. Кто-то говорил по телефону, но без эмоций – только короткие фразы, будто отчитывался. Кто-то смотрел в голографический дисплей, но взгляд был пустым, будто человек не видел картинки, а просто ждал, когда она исчезнет.

На перекрёстке он заметил странный киоск – старый, деревянный, явно не из этого века. Рядом с ним стоял мужчина в потрёпанном костюме и наливал чай из чугунного чайника. Пахло жареным рисом и травами – запах, который Рэн не встречал уже лет десять. Он хотел подойти, но мужчина резко поднял голову, и Рэн увидел, что у него нет глаз – только гладкие, матовые впадины. Он отступил, и киоск растворился в тумане, будто его и не было.

Звуки города тоже были неправильными. Гул машин – слишком монотонный, без перепадов. Голоса – приглушённые, будто кто-то убавил громкость. Иногда сквозь этот фон пробивался странный шелест, похожий на шёпот, но разобрать слова не получалось.

Рэн достал телефон. Экран мигнул: «Сеть недоступна». Он поднял голову. Над городом висели облака, но они двигались не так, как должны – слишком плавно, слишком синхронно. Казалось, будто небо – это огромный экран, и кто-то меняет картинку.

Он ускорил шаг. Токио был его домом, но иногда – как сегодня – город казался чужим, будто притворялся, что всё в порядке, но за этой маской скрывалось что-то, чего нельзя понять.

Что-то, что следит.

Рэн свернул в переулок, где неоновые огни почти не пробивались сквозь туман. Здесь пахло сыростью и старым металлом – будто город скрывал под этой улицей заброшенные катакомбы. Он достал телефон, чтобы вызвать такси до «Токио Экспресс», но экран вновь моргнул: «Сеть недоступна».

Он нахмурился, огляделся. Вдоль стены тянулись автоматические вендинговые автоматы – беззвучные, с потухшими дисплеями. Рэн шагнул к одному, чтобы свериться с картой на корпусе, но в тот же миг экран вспыхнул сам. Не схема района, не реклама – только строка иероглифов, бегущая сверху вниз:

«Не зови машину. Она не привезёт тебя туда».

Рэн отступил. Автомат погас. В тишине раздался тихий щелчок – будто кто-то переключил невидимый тумблер.

Из тумана выплыла тень. Сначала он подумал – прохожий, но фигура двигалась слишком плавно, без шагов, будто скользила над асфальтом. Чёрный силуэт в длинном плаще, лицо скрыто под капюшоном. В руке – предмет, напоминающий старомодный таксометр: циферблат мерцал бледно-зелёным, а стрелка бешено вращалась.

– Вам нужно такси? – голос звучал одновременно близко и издалека, словно доносился из-под воды.

Рэн сглотнул.

– Да. До «Токио Экспресс».

Фигура подняла руку. В ту же секунду из тумана вынырнуло такси – чёрное, без опознавательных знаков, с затемнёнными окнами. Дверца распахнулась сама, будто приглашая.

– Садитесь, – прошептал человек с таксометром. – Но помните: дорога ведёт не туда, куда вы просите.

Рэн колебался. В окне машины мелькнул алый блик – то ли отражение фонаря, то ли что-то внутри салона. Он вспомнил коробку в рюкзаке, её едва уловимую пульсацию, и шагнул вперёд.

Как только он опустился на заднее сиденье, дверца захлопнулась с глухим стуком. Водитель – бледный, с глазами, похожими на матовые линзы, – молча включил зажигание. Навигатор на панели мигнул, выдавая бессмысленные координаты: «Хонго 3-тё:мэ, 25-9...».

Машина тронулась. За окном туман сгустился, превращая город в размытую акварель. Рэн обернулся – фигура с таксометром уже исчезла, но на асфальте остался след: круглый отпечаток, похожий на циферблат.

Такси внезапно замедлило ход, будто наткнулось на невидимую преграду. Рэн поднял взгляд от коробки – за окном уже не было улиц. Только седая пелена, сквозь которую проступали размытые очертания деревьев, словно город растворился в молоке.

– Что происходит? – спросил он, но водитель молчал, уставившись в экран навигатора. Тот мигал, выдавая бессмысленные комбинации: «Хонго 3-тё:мэ, 25-9... 25-10... 25-∞».

Коробка на коленях дрогнула сильнее. Рэн сжал пальцы, пытаясь удержать её, но верёвка симэнава вдруг стала скользкой, будто покрылась инеем. В отражении лакированной поверхности снова мелькнул алый зрачок – на этот раз дольше, почти ощутимо. Рэн резко отстранился, ударившись плечом о стекло.

– Вы точно знаете, куда едете? – его голос прозвучал громче, чем он хотел.

Водитель наконец обернулся. Лицо его было бледным, почти прозрачным в свете приборной панели.

– Дорога сама выбирает, – прошептал он, и в этом голосе не было ничего человеческого. – Иногда она ведёт. Иногда – уводит.

Рэн рванул ручку двери, но та не поддавалась. Он посмотрел в окно: туман сгущался, превращаясь в стены, в коридоры, в бесконечные перекрёстки. Где-то вдали, будто сквозь толщу воды, доносился звон – не то колокольчиков, не то биения сердца.

А потом такси резко остановилось. Двигатель заглох, фары погасли. Водитель исчез – только пустая куртка висела на сиденье, будто её сбросил кто-то, растворившийся в воздухе.

Рэн толкнул дверь. Она открылась с тихим скрипом.

Он вышел под дождь – но это уже был другой дождь. Капли падали без звука, а их следы на асфальте светились, как фосфорные нити. Вдалеке, сквозь пелену, проступали очертания города – но не того, который он знал. Неоновые вывески здесь были не выцветшими, а слишком яркими, будто пытались ослепить. Здания не тянулись вверх, а извивались, как живые.

Рэн опустил взгляд на коробку. Узлы верёвки пульсировали, складываясь в узоры – то ли иероглифы, то ли вены, по которым текла чужая кровь. Он понял: такси не просто сбилось с пути. Оно доставило его туда, где реальность трескалась по швам.

Он зашагал вперёд, засунув руки в карманы. Дождь стекал по лицу, смешиваясь с потом. Где-то внутри, за рёбрами, билось что-то чужое – ритм, совпадающий с пульсацией коробки.

Токио никогда не выглядел так, как на туристических открытках. Но сегодня он выглядел совсем иначе.

Рэн шёл, а город менялся. Не резко – исподволь, как меняется лицо во сне, когда уже не понять, где кончается знакомый облик и начинается чужая маска.

Туман, что раньше лишь стелился ключьями у тротуаров, теперь поднимался выше – до колен, до пояса, обволакивая фонари молочно-белыми коконами. Неоновые вывески погасли одна за другой, будто их кто-то выключал изнутри. Только редкие световые пятна пробивались сквозь пелену – не цвета, а скорее отблески цветов, как на старой, выцветшей плёнке.

Он свернул в переулок – и вдруг понял, что не узнаёт места. Дома стояли те же, но... неправильно. Окна, которые должны были быть слева, оказались справа. Дверь, вчера ещё запертая, теперь приоткрыта, и из щели сочился свет – не электрический, а тёплый, как от керосиновой лампы. Рэн замедлил шаг. Ему показалось, или в глубине проёма мелькнул силуэт?

Телефон в кармане молчал. Экран не реагировал на нажатия – ни сети, ни даже тусклого свечения индикатора. Рэн сунул руку глубже, нащупывая ключи, и пальцы наткнулись на что-то холодное. Коробка. Она лежала там с самого утра, но сейчас... будто подросла. Он вытащил её – и вздрогнул: дерево было влажным, будто покрылось испариной. На поверхности проступили тонкие линии – не резьба, а скорее вены, пульсирующие в ритме, который он не мог уловить, но чувствовал костями.

– Это здесь, – прошептал он, сам не зная, кому это говорит.

Ветер усилился. Он не гнал туман – он лепил его, формируя фигуры. Тени вытягивались, сливались, обретали очертания: то ли люди, то ли деревья, то ли нечто, не имеющее названия. Одна из них шагнула вперёд – слишком плавно, чтобы быть реальной. Рэн отступил. В голове зазвучал голос, не его голос: «Она уже знает твой путь».

Он повернулся и побежал – не быстро, а как во сне, когда ноги будто вязнут в воздухе. Улица тянулась бесконечно, дома расплывались, а туман смыкался за спиной, отрезая путь назад. Где-то вдали – едва различимый звон бамбуковых палочек. Фурин. Значит, рядом сад. Значит, где-то есть дверь.

Когда он наконец увидел ограду – высокую, из потемневшего бамбука, – ноги подкашивались. Ворота были приоткрыты. За ними – тропа, уводящая в сумрак. Рэн шагнул вперёд, и воздух тут же сгустился, став тяжёлым от запаха плесени, старых книг и чего-то ещё – сладкого, как разлагающиеся цветы.

Дом стоял в глубине сада, скрытый за бамбуковой оградой. Свет не горел ни в одном окне, но дверь была приоткрыта – ровно настолько, чтобы пропустить человека. Рэн шагнул внутрь.

Воздух тут же сгустился, став тяжёлым от запаха плесени, старых книг и чего-то ещё – сладкого, как разлагающиеся цветы. В тот же миг дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком, отрезав путь назад.

На пороге возникла старуха в выцветшем кимоно. Её лицо скрывала тень, но Рэн почувствовал, как её взгляд скользнул по коробке, по его рукам, по глазам. Он попытался разглядеть её черты, но они расплывались, как отражение в мутной воде.

– Ты уже её почувствовал, – прошептала она, принимая груз. Голос звучал, как шелест сухих листьев, будто слова рождались где-то глубоко в груди. – Теперь она за тобой. Красные нити не разорвать.

Рэн хотел спросить, что это значит, но старуха уже исчезала в темноте прихожей, унося с собой коробку. Он сделал шаг вслед за ней, но замер: из глубин дома донёсся тихий звон сим-энавы – будто кто-то встряхнул священные соломенные верёвки. Звук прокатился по коридорам, заставляя стены дрожать, а тени – шевелиться.

Он огляделся. Прихожая оказалась гораздо просторнее, чем казалось снаружи. Вдоль стен тянулись деревянные шкафы с резными дверцами, но вместо ручек – лишь углубления, напоминающие глазницы. В воздухе висели клочья тумана, в которых проступали размытые силуэты: то ли фигуры людей, то ли призрачные животные.

Рэн двинулся вперёд. Пол под ногами прогибался, будто был сделан из живого дерева, пульсирующего в такт его шагам. На стенах появились алые пятна, расплывающиеся, как кровь по бумаге. Они складывались в узоры – нити, повторяющие те, что уже проступили на его запястьях.

Из темноты раздался смех – тихий, детский, но от него мороз шёл по коже. Рэн обернулся: в конце коридора стояла та самая кукла, что он видел в витрине. Она улыбалась, но теперь её лицо было ближе, и он разглядел: глаза у неё были – два алых зрачка, точно такие же, как мелькнувшие в отражении коробки.

– Ты уже наш, – прошелестел голос, но Рэн не понял, принадлежит ли он кукле, старухе или самому дому.

Он хотел бежать, но ноги приросли к полу. Нити на запястьях натянулись, будто кто-то дёргал их из темноты. Боль вспыхнула в висках, и в этот миг он увидел: в глубине дома, за рядами шкафов, мерцал тусклый свет. Там, в самом сердце особняка, что-то ожидало его.

Дверь в дальнем конце коридора медленно открылась сама. За ней – только тьма и звон симэнавы, звучащий всё громче, всё настойчивее.

Он достал телефон. Ни звонков, ни сообщений. Экран светился бессмысленно, отражая лишь тусклый свет старинных ламп особняка. В этом замкнутом пространстве даже цифровой мир казался призрачным, ненастоящим.

В кармане что-то хрустнуло. Рэн вытащил клочок бумаги – тонкий, как рисовая обёртка. На нём дрожащим почерком было выведено:

«168 часов. Потом – встреча с тишиной».

Он сжал записку в кулаке. За высоким стрельчатым окном мерцали редкие огни Токио, но они выглядели чужеродно – будто проецировались на стекло извне, не имея отношения к этому дому. Они пульсировали в такт биению сердца, складываясь в непонятные узоры.

Где-то в глубине особняка тихо звякнула симэнава. Звук прокатился по коридорам, отражаясь от старых стен, и пробрал его до костей. Рэн невольно втянул голову в плечи – казалось, звон шёл не из одного места, а отовсюду сразу.

Он опустил взгляд на свои руки. На запястьях, едва заметные в полумраке, проступили алые линии – тонкие, как нити, но уже ощутимые, будто кто-то нанёс их невидимой кистью. Они слегка пульсировали, отзываясь на каждый удар сердца.

Телефон снова завибрировал. На экране – новое сообщение:

«Ты уже наш».

Рэн выключил телефон. В отражении старинного зеркала в резной раме он увидел её – алую куклу, сидящую на деревянной скамье у дальней стены. Она улыбалась, и в этом отражении её глаза казались двумя алыми углями, горящими в полутьме.

Тишина особняка стала осязаемой – она давила на уши, заглушая даже собственное дыхание. Рэн медленно повернулся, чтобы взглянуть на куклу напрямую, но там, у скамьи, уже никого не было. Только тень скользнула в боковой коридор, оставив после себя едва уловимый запах жжёного сахара и старых книг.

Глава 2. Красные нити

(21–22 октября)

Рэн отвёл взгляд от куклы в зеркале – и тут же понял, что свет в особняке погас. Не постепенно, а резко, будто кто-то выдернул шнур из розетки. Редкие огни Токио, пробивавшиеся сквозь высокие окна, тоже исчезли, оставив лишь сероватую пелену, в которой плавали редкие блики – словно пыль в луче проектора.

Он потянулся к ручке резной двери – та не поддавалась. Тишина накрыла его, как влажная ткань: ни шороха старинных часов, ни скрипа половиц, ни даже собственного дыхания. Только тихое тиканье, доносящееся откуда-то из-под пола.

Рэн опустил глаза.

На паркете у его ног лежала та самая записка – «168 часов. Потом – встреча с тишиной». Но теперь на бумаге проступали новые строки, написанные будто кровью:

«Время течёт сквозь тебя. Узлы крепнут. Не пытайся развязать – они уже вплетены в плоть».

Он рванул записку, но та рассыпалась в пальцах, оставив на коже алые разводы – не чернила, а что-то горячее, живое. Боль от запястий поднялась выше, к локтям, и он с ужасом увидел, как алые нити начинают пульсировать ярче, словно вены, наполненные расплавленным стеклом.

– Ты уже наш, – прошептал голос. Не из угла, не из коридора – изнутри его головы.

В зеркале в резной раме снова мелькнуло алое пятно: кукла теперь сидела на старинном диване в глубине зала, совсем близко. Её улыбка стала шире – слишком широкой для человеческого лица. Она протянула руку, и Рэн почувствовал, как что-то дёргает нити на его запястьях, будто настраивая невидимые струны.

Особняк вдруг содрогнулся – без ветра, без видимой причины. За окнами поплыли размытые силуэты, но это были не улицы Токио. Скорее лабиринт из теней, где стены складывались в лица, а окна мерцали, как глаза. Сквозь древесину панелей пробивались алые нити, сплетаясь в узоры, повторяющие те, что украшали его руки.

– 168 часов, – повторил голос, теперь уже хором, будто десятки шепчущих ртов. – Потом – встреча.

Пол под ногами дрогнул. Дверь в дальнем конце зала распахнулась сама. Рэн пошёл к ней, чувствуя, как нити на запястьях тянут его вперёд, будто поводья. В голове стучало:

«Ты уже наш».

Переступив порог, он рухнул в темноту. Последнее, что он услышал, был тихий звон симэнавы – будто кто-то захлопнул дверь в другой мир.

Рэн проснулся от жжения на запястье. В полумраке комнаты он разглядел алые пятна – не просто отметины, а узлы, будто кто-то вплёл в кожу тонкие нити. Они не были поверхностными: казалось, нити прорастали изнутри, пульсируя под кожей, словно крохотные вены, наполненные расплавленным металлом.

Он провёл по ним пальцами – они не стирались, не шелушились. При надавливании боль усиливалась, отдаваясь эхом в висках. Рэн поднялся, шатаясь, и направился в ванную.

Особняк старухи производил странное впечатление: с первого взгляда он казался образцом современной японской архитектуры – лаконичный, безупречный, продуманный до мелочей. Гладкие бетонные поверхности, панорамные окна от пола до потолка, минималистичная мебель в нейтральных тонах. Но стоило провести в нём хотя бы несколько минут, как начинали

проявляться тревожные детали – будто дом неспешно снимал маску, обнажая свою истинную суть.

Когда Рэн переступил порог, его сразу окутала непривычная тишина. Не та тишина пустого дома, а плотная, почти осязаемая – словно воздух здесь был гуще, поглощал звуки, не давал им распространяться. Даже шаги по полированному бетонному полу звучали приглушённо, будто кто-то накрыл весь мир толстым слоем ваты.

Холл встретил его холодным светом встроенных светодиодов. Всё выглядело безупречно: строгие линии, чистые поверхности, ни пылинки, ни лишнего предмета. Но зеркала... Зеркала были неправильными. В их глубине таилось что-то неуловимое – отражения слегка расходились с реальностью. Порой в углу зрения мелькало движение, но стоило повернуться – ничего. Только собственное отражение, чуть искажённое, будто смотрящее из-под воды.

Из холла расходились коридоры, ведущие в разные части дома. Гостиная с панорамными окнами, выходящими в сад, выглядела умиротворяюще – пока Рэн не пригляделся. За стеклом не было деревьев, только бесконечный туман, клубящийся, словно живой. Диван и кресла манили своей мягкостью, но если провести рукой по ткани, становилось не по себе: она слегка пульсировала под пальцами, будто дышащая кожа.

Кухня поражала стерильной чистотой. Современная техника, идеально выстроенные шкафы, ни одной лишней детали. Но иногда в раковине появлялась алая пена, а из вентиляционных решёток доносился шёпот – не слова, а обрывки фраз на незнакомом языке, будто кто-то разговаривал за стеной, но не мог пробиться сквозь толщу камня.

Столовая с чёрным деревянным столом и стульями, чьи спинки напоминали скелеты птиц, внушала тревогу. Над столом висела хрустальная люстра. Её капли время от времени меняли форму, складываясь в непонятные иероглифы, которые тут же растворялись, оставляя после себя лишь смутное ощущение угрозы.

Спальня с высоким изголовьем кровати и стенами из матового стекла казалась безопасной – до ночи. Тогда на стеклянных поверхностях проступали тени рук, будто кто-то пытался выбраться изнутри, царапая невидимые барьеры.

Ванная комната с белоснежной плиткой и душевой кабиной сначала вызывала ощущение чистоты и порядка. Но если долго смотреть на струи воды, можно было разглядеть лица, проплывающие в потоках. Зеркало над раковиной никогда не отражало левую сторону – там всегда оставалось размытое пятно, будто часть реальности была стёрта.

Гардеробная с аккуратно расставленной одеждой производила странное впечатление. Все вещи были одного размера и фасона, словно принадлежали не человеку, а манекенам. В глубине комнаты стоял старинный шкаф с дверцами из рисовой бумаги. Из-за них иногда слышался тихий звон симэнавы – будто кто-то встряхивал священную соломенную верёвку, напоминая о чём-то забытом, но важном.

Но самые пугающие открытия ждали того, кто решался исследовать дом глубже.

Некоторые двери вели в тупики или повторяющиеся комнаты. Если оглянуться, уходя по коридору, можно было заметить, что расстояние до входа изменилось – он стал дальше или ближе без всякой причины.

Окна никогда не показывали небо. Только серый туман или странные созвездия, не похожие на реальные. Иногда на стекле появлялись алые нити, сплетающиеся в узоры, повторяющие те, что проступали на коже Рэна.

По ночам из стен доносилось пение, похожее на буддийские мантры, но слова никогда не повторялись. А где-то в глубине дома раздавалось тиканье – хотя часов в особняке не было.

На полках стояли керамические куклы с закрытыми глазами. Если отвернуться и посмотреть снова, их позы менялись – едва заметно, но достаточно, чтобы понять: они следят.

В ящиках стола время от времени появлялись старые записки с одним и тем же текстом: «168 часов. Потом – встреча с тишиной». Они возникали сами по себе, будто дом пытался что-то сообщить.

А в самом сердце особняка существовала комната без дверей. Попасть туда можно было лишь случайно – свернув не в тот коридор или поднявшись по лестнице, которой раньше не было. Внутри находился старинный алтарь с чашей, наполненной жидкостью, похожей на кровь. Стены были покрыты иероглифами, меняющимися при взгляде – то складывающимися в молитвы, то в проклятия.

Рэн бродил по особняку, пытаясь собраться с мыслями. Каждый шаг отдавался в голове глухим эхом, будто дом впитывал звуки, а потом возвращал их искажёнными. Он остановился у одного из зеркал в холле – гладкого, почти безрамного, вмонтированного в стену так, что его границы сливались с бетоном.

В отражении он увидел себя: бледное лицо, тени под глазами, а на запястьях – те самые алые нити, теперь уже отчётливо пульсирующие. Он поднял руку, чтобы рассмотреть их ближе, и в этот момент зеркало дрогнуло. Не буквально – поверхность осталась неподвижной, но что-то в глубине изменилось. Отражение чуть отстало от его движений, словно запаздывая на долю секунды.

Рэн отступил. В груди нарастала тревога, но он не мог отвести взгляд. Зеркало будто притягивало его, заставляя всматриваться всё пристальнее.

Зеркало отразило его бледное лицо... и нечто за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.